

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ



Екатерина
Островская

ПОКОПАЙТЕСЬ
В МОЕЙ ПАМЯТИ



Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская

Покопайтесь в моей памяти

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Покопайтесь в моей памяти / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2020 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-109464-5

Елизавета Сухомлинова горела желанием помочь дочери: после развода муж забрал себе их сына и не позволял Ане с ним видеться. Но где найти денег на адвоката? Елизавете удалось устроиться консьержкой в элитный дом, у нее даже сложились дружеские отношения с начальником, Александром Тарасевичем. Он же проникся к новой сотруднице более нежными чувствами и однажды вечером пригласил ее в гости. Едва притронувшись к угощению, Елизавета сбежала от поклонника, а на следующий день после ее визита произошло убийство! Не зная, что предпринять, Сухомлинова обратилась к своей давней знакомой, владелице детективного агентства Вере Бережной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109464-5

© Островская Е. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	20
Глава шестая	22
Глава седьмая	26
Глава восьмая	29
Глава девятая	31
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	37
Глава двенадцатая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Островская

Покопайтесь в моей памяти

Екатерине Островской в детективных романах удастся одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Часть первая

Глава первая

Вера подъехала к офису и, припарковывая машину, заметила на крыльце женщину. Та была немолода, одета в светлое кашемировое пальто – вполне приличное, но, судя по покрою, не новое. Вероятно, это очередная посетительница, которая не решается зайти внутрь, а может быть, дожидается именно ее. Вполне может быть, что это какая-нибудь бывшая знакомая, но Бережная не помнила ее. На всякий случай она позвонила дежурному и спросила:

– На нашем крыльце дама. Она заходила, интересовалась кем-то?

– Да я уже битый час за ней по монитору наблюдаю. Зашла, спросила Бережную, а когда узнала, что вас нет, вышла. Мне кажется, она уверена, что вы вот-вот подъедете.

Но дама на крыльце не казалось уверенной. Она стояла спиной к входной двери, как раз под табличкой с названием детективного агентства, смотрела прямо перед собой, но, скорее всего, пыталась узнать, кто подъехал только что. И тогда Бережная вышла из машины. Подошла к ступеням, а женщина, словно узнав ее, улыбнулась приветливо и смущенно.

– Верочка? – обратилась она к Бережной.

Но в голосе совсем не было уверенности.

– Мы знакомы? – удивилась Бережная.

Дама кивнула молча, словно надеялась, что Вера Николаевна сама вспомнит ее. Светло-русые волосы – крашенные само собой. Ей лет сорок – сорок пять, а может, чуть-чуть больше. Что-то знакомое промелькнуло в ее лице.

Вера нажала кнопку, и дверь отворилась. Перед тем как войти, посетительница назвала себя, продолжая улыбаться:

– Я – Елизавета Петровна. Мы с твоей мамой работали вместе. Недолго, правда. Я даже в гостях у вас бывала. С дочкой приходила.

– Дочка Анечка, – наконец вспомнила Бережная. – Простите, что не узнала сразу, но столько людей проходит... Вы, конечно, изменились, но выглядите шикарно.

– Ну это вряд ли, – опять смутилась дама.

Они шли по коридору. Остановились возле кабинета директора. Вера открыла дверь.

– Прошу вас, Елизавета Петровна.

Теперь Вера вспомнила и ее и девочку, с которой она виделась, хотя, кроме нескольких встреч, другого общения с той девочкой не было, потому что разница в возрасте – четыре или пять лет – не давала им сблизиться. Потом дочь Елизаветы Петровны поступила в балетное училище. А очень скоро их матери перестали общаться – разве что изредка по телефону.

– Как Аня? – поинтересовалась Бережная. – Стала ли балериной?

– Куда там. Ее же отчислили через два года. Она стала очень быстро расти, и педагоги решили, что девочка неперспективная. А она сейчас среднего роста, худенькая. Но ходит как балетная – спинка прямая и носки в сторону.

Елизавета Петровна сняла пальто, осторожно опустилась в глубокое кресло. Отказалась от чая и кофе. А Вера смотрела на нее и пыталась определить возраст посетительницы. Если она ровесница ее мамы или чуть младше, то она должна быть на пенсии.

– Вы и вправду замечательно выглядите, – сказала она, – мама, хоть и следит за собой...

– Как она? – не дала ей договорить Елизавета Петровна.

– Тоже хорошо выглядит, но мама перебралась в Крым. Там куча родственников, а тут никого – даже близких подруг нет. Вы-то пропали куда-то.

Бережная давно поняла, что бывшая знакомая мамы не просто так пришла: очевидно, ей нужна помощь.

– Как Аня поживает? – повторила она свой вопрос.

И только теперь женщина вздохнула, посмотрела куда-то за окно, прикрытое с улицы багровыми куполами невысоких подстриженных деревьев, на серое осеннее небо, и наконец сообщила цель своего визита:

– Я, собственно, по ее поводу здесь. Дочке помощь нужна, а куда обращаться, не знаю.

– В полицию не пробовали?

Елизавета Петровна покачала головой.

– У нас другой случай. Дело в том, что Аня развелась не так давно. То есть давно – уже почти год прошел. Через суд разводилась, потому что у них с мужем ребенок, и вот по суду малыша оставили отцу. Мы пытались оспорить, но куда там! Ее бывший муж должен предоставить ей возможность общаться с сыном, не препятствовать встречам, отдавать на выходные, но он этого не делает. Даже наоборот – он его прячет. Мы пытались опять же через суд, а там, как и прежде, повторяют, что решение принято на законных основаниях: дескать, средств для достойного содержания ребенка у матери нет, моральный облик ее... Не, по-другому говорят: будто бы она ведет антиобщественный образ жизни. Это – ложь! Просто ее бывший муж – очень богатый человек, отец его был каким-то крупным чиновником, и бороться с ними – бесполезное занятие. У нас ни знакомств, ни связей, ни денег... У дочки нет постоянной работы: куда бы она ни устраивалась, ее бывший муж узнаёт, звонит начальству, и ее увольняют под надуманным предлогом. А кому жаловаться – фирмы теперь все частные. Мы живем на мою пенсию, и я еще консьержкой подрабатываю – сутки через трое. Потом встретила своего сокурсника, и он предложил работу в его аукционном доме – искусствоведом-оценщиком. Я же искусствоведческий закончила когда-то...

– Погодите, – попыталась остановить женщину Бережная, – давайте по порядку.

Но Елизавета Петровна ее не слушала.

– Общалась с адвокатом, но он говорит, что без взяток ничего не получится. И такие суммы называл! А у нас с Аней нет средств. Но я, да и она, готовы отработать. Мы можем убирать ваш офис, еще чего-нибудь можем делать. А еще я могу информацию нужную для вас поставлять. Я же консьержем не в простом доме работаю: там известные люди проживают. Я про многих что-то знаю. Нехорошо, конечно, шпионить, но когда...

– Погодите! – решительно прервала ее речь Вера. – Никто с вас денег не попросит и не собирается просить. Только я должна понять, что могу сделать. Нужны будут хорошие адвокаты – предоставим, нужно будет надавить на вашего мужа, постараемся это сделать без нарушения закона. Я сама займусь вашим делом. У меня личные связи имеются. Только необходимо ознакомиться подробнее с материалами. То есть с самого начала. Вы готовы прямо сейчас? Или на работу спешите?

Елизавета Петровна покачала головой:

– Со смены в доме я только что сменилась. А в аукционном доме меня предупредили, что в услугах моих больше не нуждаются.

– И в чем вы там провинились?

– Ни в чем, просто за всем этим стоит преступление.

– И в самом деле? – не поверила Вера. – Какое же?

– Убийство. Только оно было совершено давно. А сейчас всплыли кое-какие обстоятельства.

– С него и начнем, – встрепенулась Бережная. – Убийства, как вы знаете, это мой профиль.

– Смешно, – оценила шутку женщина, – только это к делу не относится. И сейчас мне совсем не хочется смеяться.

– Я не шучу. Просто я в свое время в следственном комитете только такими делами и занималась. А дочке вашей поможем. Есть решение суда, и его надо выполнять. А кроме того проверим, насколько это решение было правомерным. Давайте с самого начала.

Елизавета Петровна вздохнула:

– Долго придется рассказывать.

– А я никуда не спешу, – ответила Вера.

И снова посетительница вздохнула, словно воспоминания приносили ей боль.

– Аня училась в экономическом. Там же и познакомилась с мужем. Филипп Первеев не был ее сокурсником. Он вообще учился на заочном. Просто однажды подошел к ней в коридоре, познакомился, а потом уже начал ее встречать постоянно. С цветами приезжал, как-то пригласил в кафе, в кино ходили...

– Первеев? – переспросила Бережная. – Он не родственник Федору Степановичу, который в свое время возглавлял юридический отдел мэрии?

– Филипп – его единственный сын. Муж Анечки страшным человеком оказался. А сначала мне понравился. Выглядел таким воспитанным, обходительным. Когда он Ане предложение сделал, она сомневалась, принимать или нет, но я сама убедила ее, мол, где ты еще такого найдешь: любит тебя, интеллигентный, зарабатывает прилично... Другими словами, как ни крути, я же во всем виновата оказалась. Сначала у них все хорошо было. Только, как выяснилось, он любил по клубам ходить. Сначала дочку мою с собой таскал, потом уж без нее. Когда утром возвращался, когда через день. Мне она не жаловалась, а когда она сказала об этом Федору Степановичу, то услышала от него, что сама в этом виновата: дескать, не можешь так дом обустроить, чтобы мужику никуда не хотелось из него уходить. Но сыну своему и слова не сказал, и все продолжилось. Филипп уходил, прятался от моей дочери. На звонки не отвечал или просто отключал свой телефон. Даже когда ребенок родился, он продолжал вести такую же жизнь. Только пропадал уже на два-три дня, а порою и дольше где-то скрывался. А полтора года назад у него появилась другая. Наверняка были женщины и до нее, но эта стала постоянной. Он ее даже к родителям своим привозил знакомиться. Родителям его она понравилась, потому что оказалась дочерью какого-то чиновника. Вскоре Филипп подал на развод. Заявил, что жена его имеет большое пристрастие к алкоголю, а еще ему изменяет. В качестве доказательств представил какие-то фотографии, на которых Аня за столами, уставленными бутылками, или за барными стойками. А ведь это снимки со всех вечеринок, на которых они бывали вместе. А еще на фотографиях были мужчины, которые сидели рядом и обнимали Аню. Но все эти мужчины – друзья мужа дочери, и он же снимал. Думаю, что он специально их подговаривал. Одним словом, суд встал на его сторону, а женщина-судья даже выговор Ане сделала и потребовала бросить пить и вести себя как настоящая мать, а то в следующий раз она и вовсе лишит ее родительских прав. По суду Ане не запрещено встречаться с сыном по выходным, но ее ни разу не допустили к Федечке. Он живет с бабушкой и дедушкой в загородном доме, а Филипп с новой подругой в городской квартире, в которой они обитали с моей дочкой. В тот дом и я приезжала, но меня тоже не допустили к ребенку. Первеевых не видела, со мной через переговорное устройство разговаривали какие-то люди. Потом вышел охранник и сообщил, что хозяева находятся на отдыхе за границей. Я бросилась к Филиппу, попыталась связаться с ним через переговорное устройство, но он не отвечал. Я ждала перед подъездом. Только вечером он вышел из дома вместе со своей... У них камера над крыльцом установлена, и он, судя по всему, видел меня и не отвечал. Я подошла, но не успела ничего сказать, потому что он сразу предупредил, что если я еще раз сделаю попытку вмешаться в его частную жизнь, то он примет меры.

– Не сказал, какие меры? – поинтересовалась Бережная.

– Сказал, что обратится за помощью в компетентные органы, а если я проникну внутрь дома, то, скорее всего, случайно упаду с лестницы. Надо было как то защитить себя и дочь, но

у нас не было денег на адвокатов. Я только что вышла на пенсию, а она, сами знаете, какая: я и одна-то едва-едва концы с концами сводила, а тут еще Аня ко мне переехала. Работу она потеряла, находит другие места, но туда если и берут, то ненадолго. Филипп каким-то образом узнаёт, звонит начальству и говорит, что она алкоголичка, воровка и проститутка. Слава богу, что я консьержем устроилась, а потом и в аукционный дом. Но и там вскоре такие дела начали происходить, что поневоле подумаешь, что горе за нами с Аней по пятам ходит, а избавиться от него невозможно.

Глава вторая

О том, что в элитном жилом доме требуется консьерж, Елизавета Петровна Сухомлинова узнала совершенно случайно. Она с пластиковой корзиной направлялась к кассе универсама, уже подошла, как вдруг ее обогнала какая-то женщина в кожаном пальто – едва не сбила доверху набитой тележкой. Задела ее, пытаясь опередить, и встала у кассы, не извинившись. Елизавета Петровна опешила от такой вопиющей наглости. Во-первых, даме следовало бы извиниться, а во-вторых, в корзине Сухомлиновой продуктов было всего ничего, а у этой в кожаном пальто – целая гора, которую она потом не спеша начала разбирать и выкладывать на ленту. Выкладывала одной рукой, потому что вторая у нее была занята. Женщина прижимала к уху телефончик и с кем-то оживленно беседовала.

– Я даже своему не сказала, что больше не работаю на Тучковом, – делилась она с кем-то. – А как скажешь – у него всегда я во всем виновата. А в чем я виновата? В том, что известный артист Вертов привел к себе в дом молодую бабу и провел с нею ночь, в то время как жена отдыхает на Кипре? Ну, привел бабу и привел, я, разумеется, никому об этом не скажу. Но как-то меня надо заинтересовать в молчании. Самое дорогое – это порядочность. Если ты хочешь, чтобы я была порядочной... Нет, не ты... Это я про него говорю – про Вертова... Если ты, уважаемый артист, хочешь, чтобы твоя жена ни ухом ни рылом, то отблаговари меня. Я бы много не попросила. Утром он эту бабу проводил, усадил в такси и обратно возвращается. Я ему тихонько так говорю: «Евгений Сергеевич, ну как так можно? А вдруг Юлия Сергеевна узнает? Кто-то скажет, а она, разумеется, не поверит. Ко мне прибежит: ведь я этой ночью дежурила. И что мне делать? Врать не научена. Меня ведь еще в советской школе учили всегда правду говорить. Кто в классе стекло разбил? Все молчат, а я поднимаю руку и называю имя того, кто позорит имя советского пионера. А если...» Ладно это в прошлом. Сейчас другое время. Я тихонько так Вертову намекаю: «А вдруг Юлия Сергеевна узнает?» А он дурачком прикинулся и смотрит на меня. «А что узнает? И кто ей что скажет? Ведь сказать-то нечего?» А я ему: «Ну-ну»... И он сразу завелся. «Что за ну-ну? – кричит. – Вы что, меня шантажировать надумали? Сколько вы рассчитывали из меня вытянуть?»

Женщина в кожаном пальто продолжала медленно выкладывать продукты, а кассирша не спешила стучать пальцами по кнопкам аппарата, внимательно слушая рассказ о частной жизни известного актера театра и кино.

– Я по наивности клюнула на его гнусную провокацию и назвала сумму. Небольшую, разумеется. Он за один вечер столько получает. Так вот этот гад тут же пожаловался на меня руководству ТСЖ, и меня сразу же выперли. Им же хуже: где они еще такого же, как я, опытного консьержа найдут?

Работа Сухомлиновой была очень нужна. Она давно искала ее и даже находила. Но пенсионеров почему-то брать никто не хотел. Пыталась и консьержкой устроиться, но все места были заняты. А тут такой подарок!

Елизавета Петровна тут же перестала обижаться на женщину в кожаном.

– Ну, с другой стороны, может, это и к лучшему. Пойду к мужу на овощебазу работать. Он сторожем, я на проходную. Вдвоем больше унесем. Тут по телевизору выступал какой-то экономист и сказал, что этой зимой подорожают овощи и фрукты. Ты поняла? Зачем тебе, Рая, лишний раз тратиться: я для лучшей подруги всегда готова скидку сделать.

В узком Тучковом переулке домов было много, но все на один-два подъезда и низкорослые, словно вросшие в асфальт. Только один новый жилой комплекс с широкими глухими воротами, за которыми ничего нельзя было разглядеть, и дверь с тонированным стеклом.

Рядом с тонированной стеклянной дверью располагался звонок. Елизавета Петровна нажала на кнопку.

Из переговорного устройства донесся глухой мужской голос:

– Вы к кому?

– На собеседование по поводу работы. Вам ведь консьерж требуется.

Щелкнул замок. Сухомлинова вошла внутрь и остановилась перед турникетом. Огляделась: она находилась на паркинге, под которым был еще один уровень – подземный. Наконец на турникете зажегся зеленый огонек. Елизавета Петровна вошла, и наперерез ей из своей двери шагнул охранник в черной униформе.

– Подождите здесь, – приказал он, – сейчас за вами придут.

Ждать пришлось около четверти часа, зато охранник успел рассказать за это время многое... По его словам, у консьержей практически нет никакой работы, а потому туда берут на работу даже пенсионерок. Он, вероятно, не подумал, что беседующая с ним женщина тоже пенсионного возраста. Потом он сообщил, что вкалывать по-черному приходится лишь ребятам на паркинге, потому что это единственный въезд в дом и во двор. И проход в дом тоже через паркинг.

– В подъезд нет входа с улицы, – сказал парень, – это так архитектор задумал, чтобы посторонние не ломились. А гости к жильцам приезжают на паркинг; если жильцы подтверждают, то гостевые машины остаются здесь – не бесплатно, разумеется. А для жильцов своя подземная стоянка, и из нее есть выход по двор как раз рядом с парадным крыльцом.

Охранник продолжал болтать до тех пор, пока возле проходной не возник человек лет шестидесяти, который потом оказался председателем правления ТСЖ. Он повел Сухомлинову на собеседование в свой кабинет.

Беседа была долгой. Особенно председателю ТСЖ понравилось, что Сухомлинова по образованию искусствовед, и он доверительно сообщил, что тоже любит искусство.

– Я же не всю жизнь управдомом трудился, – сказал он.

– А где вы работали? – спросила Сухомлинова, которая уже не сомневалась в том, что понравилась будущему начальнику.

– После школы милиции сразу попал в ОБХСС, а потом уж в ОБЭП, – признался председатель ТСЖ, – на пенсию вышел подполковником. Мог бы еще остаться: должность у меня была полковничья – начальник отдела, но там свои интриги.

Через день Сухомлинова заступила на свой пост, который ей понравился: во-первых, отдельное помещение, хотя и за стеклом, во-вторых, там был еще и закуток с электроплитой и небольшим холодильником. А когда она ознакомилась со списком жильцов, обнаружила среди них своего бывшего сокурсника Юру Охотникова.

Когда-то он был высоким, тощим и носился по факультету бегом. А теперь стал массивным и ходил медленно, покачиваясь из стороны в сторону, словно не доверяя своим ногам, ища более надежную опору. И если когда-то он бегал за Лизой, то теперь проходил мимо ее стеклянного скворечника, не обращая на новую консьержку никакого внимания. Может, не узнавал ее, а скорее всего, делал вид, что не узнаёт, чтобы не замарать своего величия таким низким знакомством. У него был серебристый «Мерседес», на котором он отбывал на работу. Хотя Юрий Иванович уезжал на работу не каждое утро, а если и отбывал, то не к самому началу трудового дня. Проживал он один. Жены у него не было, домработницы тоже. Но бывший сокурсник был всегда аккуратно одет – костюм и рубашка выглаженные, и ботинки на его ногах сверкали так, словно их начищал до блеска специально обученный этому делу человек.

Но однажды Юрий Иванович все-таки подошел к стеклянной перегородке. Наклоняться к окошку не стал и сразу спросил:

– Это ты, что ли, Сухомлинова?

– Все, что от меня осталось. Здравствуй, Юра.

– Здоровье – хорошее дело, – согласился бывший сокурсник, – у меня с этим все вроде в порядке. Соплей нет и прыщиков на заднице тоже.

Елизавета Петровна немного растерялась от его откровенности и потому ляпнула:

– Тебе повезло, не каждый таким счастьем может похвастаться.

– Слышь, – обратился он к ней, – а самой-то не стыдно вот так на входе сидеть? Ты же лучшей была на курсе. Шла бы ко мне искусствоведом. Зарплату положу хорошую. Работать будешь по десять часов – два дня через два.

– А делать что придется?

– Будут приносить товар. А твое дело проверять подлинность и оценивать. Ты же на декоративно-прикладном специализировалась. Так вот и станешь оценивать, проверять фарфор и бронзовые статуэттки.

Сухомлинова обещала подумать, а когда Охотников вечером мимо ее скворечника возвращался, сказала «да». Только Юрий Иванович не сразу понял, на что она соглашается.

Глава третья

Елизавета Петровна уже неделю трудилась в аукционном доме «Гардарика», и работа ей нравилась. Правда, и место консьержки она тоже не бросила. Такое совместительство не оставляло, конечно, времени на личную жизнь, но той и так не было. Были лишь заботы о дочери, которая вечно плакала, и тоска по пятилетнему внуку, которого Елизавета Петровна очень любила.

Но личная жизнь могла бы сложиться, потому что ей стал оказывать знаки внимания Александр Витальевич – отставной подполковник полиции и председатель правления ТСЖ. Он начал захакивать в ее скворечник и рассказывать о своей жизни. Александр Витальевич оказался вдовцом, и у него был сын, который, правда, проживал в Черногории.

– В Монте-Негро, – сказал Александр Витальевич и объяснил, что сын его женился на монтегритянке.

А поскольку Сухомлинова не оценила шутки, уточнил: на черногорке. Теперь у них трое детей, а дедушка видит внуков, только когда приезжает к ним на время своего отпуска. Сюда же сын с невесткой детей не привозят, потому что, как сообщают монтегроидные средства массовой информации, у нас нет демократии и свободы. Сам же Александр Витальевич всегда был патриотом и любит родину – особенно деревню Неклиновка Ростовской области, в которой родился.

За стеклом на виду у проходящих мимо жильцов ему разговаривать было не очень удобно, а потому он пригласил Сухомлинову к себе домой в квартиру-студию, находящуюся в том же жилом комплексе. Елизавета Петровна сразу согласия не дала, потому что считала, что три месяца знакомства еще не повод ходить в гости к начальству, но и отказываться не стала, пообещав подумать над предложением.

Она как раз думала об этом, когда явилась утром на новую работу в аукционный дом. Рабочее место у нее было так же за стеклом. Перед ней стоял монитор компьютера, с которым она сверялась. На столе стояли электронные весы и лежала лупа. То есть весы и лупа лежали в ящике стола, а доставались только во время приема посетителей. А под столешницей была тревожная кнопка на случай, если ворвутся грабители. Хотя грабителям вряд ли что-то могло достаться, потому что деньгами Елизавета Петровна не распоряжалась. Все деньги лежали в сейфе, который находился в специальной комнате за бронированной дверью с кодовым замком...

На всякий случай возле бронированной двери дежурил вооруженный пистолетом охранник. И еще один – с травматическим пистолетом – стоял в вестибюле у входных дверей. Помимо пункта приема антикварных вещей для реализации через аукционные торги, в здании располагались небольшая картинная галерея с отдельным входом и антикварный магазин, тоже с отдельным входом и охранниками. А сам офис аукционного дома с кабинетом начальства, хранилищем ценных предметов старины и деньгами располагался как раз над помещением, в котором работала Елизавета Петровна. Иногда бывший сокурсник спускался к ней для того, чтобы просто почесать языки, как он выражался, а на самом деле понаблюдать за ее работой.

Сухомлинова бросила взгляд на настенные часы: было ровно десять утра – как раз самое начало рабочего дня, когда посетители появлялись редко. Хотя особого наплыва не бывало никогда. Обычно за день посетителей было пятнадцать-двадцать человек. Приносили они в основном недорогие украшения, которые считали антикварными, и уверяли, что это бабушкино наследство, а еще картины – чаще всего без рам, свернутые в трубочку холсты с мазней под малых голландцев или под импрессионистов... За прошлую неделю не было ничего ценного – разве что две советские агитационные фарфоровые тарелочки с призывами «Комсомолец – на самолет!» и «Вступайте в ряды ОСОАВИАХИМа!», китайский чайничек из обожжен-

ной глины в виде слона и древнегреческий халк – маленькая монетка с головой Геракла на аверсе...

Ту монетку на аукцион не выставили. Елизавета Петровна сразу связалась с Охотниковым, который спустился из своего офиса и долго рассматривал голову Геракла, а потом предложил владельцу триста тысяч рублей. Тот для приличия запросил миллион, но тут же согласился отдать за пятьсот тысяч. Пачку пятитысячных очень быстро доставили из специальной комнаты с бронированной дверью. Владелец монетки долго пересчитывал купюры трясущимися от волнения руками, а потом быстро удалился.

Юрий Иванович был страстным нумизматом и даже сказал Сухомлиновой, что у него лучшая в городе коллекция монет.

В монетах Елизавета Петровна разбиралась плохо, но на подобный случай, если еще кто-нибудь принесет монеты, у нее был компьютер с интернетом.

Она подняла голову и увидела сидящего перед ее окошком немолодого человека в хорошем костюме. Он смотрел на нее и улыбался, как будто встретил человека, которого давно искал.

– Вы что-то хотели? – обратилась к нему Елизавета Петровна, смущаясь под его пристальным взглядом.

Мужчина кивнул. Потом что-то достал из бокового кармана пиджака и положил на прилавок окошка. Это были две серебряные монеты.

– Вы хотите их выставить на аукцион или просто продать по предложенной вам цене? – задала Сухомлинова обычный вопрос.

Мужчина покачал головой:

– Их цену я знаю. Просто хочу спросить, что вы думаете о них.

Сухомлинова взяла монеты и начала осматривать. Это были два екатерининских рубля.

– Одна монета настоящая, вторая – подделка, – сказала она. – Сами видите, на одной надпись на гурте выполнена, как и положено, выпуклым шрифтом, а вторая вдавленным. А вдавленная гуртовая надпись стала применяться лишь с тысяча восемьсот седьмого года, когда эти монеты уже не чеканились.

– Все верно, – согласился мужчина, – но у них одинаковый диаметр и толщина, а также один и тот же вес. Проба серебра одна и та же. У вас под ногами кафельный пол. Бросьте на него монетку, и она зазвенит. Если это сплав, то она звенеть не будет. Вторая монета не подделка, а новодел, отчеканенный после указанного вами срока, что практиковалась иногда. Обе монеты подлинные, но цены у них разнятся. Одна стоит чуть больше миллиона рублей, вторая чуть меньше, если, конечно, продавать их не через аукцион. Но я не собираюсь их продавать.

Мужчина протянул руку, и Елизавета Петровна отдала ему обе монеты. Посетитель убрал их в тот же карман, а из другого достал еще одну.

– Вы их так запросто носите, – удивилась Сухомлинова и замолчала.

Перед ней лежала крупная золотая монета с профилем императора.

– Я хочу выставить на торги именно эту вещь, – улыбаясь, сказал посетитель.

– Документы при себе? – поинтересовалась Елизавета Петровна.

– На монетку? – не понял мужчина.

– Нужен ваш паспорт с регистрацией.

Мужчина протянул ей паспорт. Сухомлинова пролистала его и вернула. Потом взяла монету и начала рассматривать. В центре реверса был отчеканен портрет императрицы, а по кругу – портреты царских детей.

– Я не очень большой специалист, – призналась она, – но не надо быть специалистом, чтобы понять, что это золото, и не надо быть большим специалистом, чтобы знать, что золотого императорского фамильного рубля не было никогда. Сами подумайте, золотой – и вдруг рубль:

цена монеты и тогда в десятки раз превосходила номинал. Серебряный фамильный рубль стоит сумасшедшие деньги, а золотой бы...

– Серебряная монета не предназначалась для обращения, а только для того, чтобы вручать ее в качестве подарка. Россия – первая страна в мире, которая начала выпускать памятные юбилейные монеты, и только потом другие страны. Про серебряный фамильный рубль знают все. Но Павел Уткин – автор монеты и гениальный гравер – сначала изготовил двадцать штук золотых рублей и преподнес их Николаю. Правда, шесть из них оказались с браком, но остальные были подарены членам европейских королевских семей, посетившим Петербург. До настоящего времени не сохранилось ни одного золотого рубля. Кроме этой монеты, которая, скорее всего, пятнадцатая, о которой ничего не известно. Вполне возможно, это самый первый – отчеканенный в качестве пробника – экземпляр.

Сухомлинова уже изучала текст на мониторе компьютера.

– Про золотой фамильный рубль здесь сказано, что это легенда, – сказала она.

– Потому что никто его не видел.

– В любом случае мы должны оставить его для экспертной оценки.

Мужчина протянул руку, и Сухомлинова не сразу, но отдала ему монету.

– За сколько вы хотите выставить лот?

– Начальная стоимость пять миллионов евро.

– Сколько? – не поверила своим ушам Елизавета Петровна.

– В последний раз за серебряный фамильный рубль дали на аукционе в Берлине полмиллиона евро. А за обладание этой монетой будет серьезная борьба – можете мне поверить.

– Не может монета стоить как яйцо Фаберже, – усомнилась Сухомлинова...

– Вы не знаете нумизматов. Самые азартные из них – это очень и очень богатые люди. Для них десять-двенадцать миллионов евро – то же, что для вас десять рублей, которые не делают вас богаче или беднее. А на десять нынешних рублей в наше время ничего не купишь.

– Почему на аверсе этой монеты указан еще один номинал – десять с половиной злотых, если она не предназначалась для массового обращения?

Мужчина пожал плечами:

– Воля императора. Тогда, после присоединения Польши, все монеты выпускались с двойным номиналом.

Посетитель поднялся.

– Вы ничего не хотите мне сказать? – попыталась остановить его Сухомлинова.

Мужчина улыбнулся:

– Мой адрес вы теперь знаете. Если захотите продолжить разговор, подъезжайте.

Она смотрела, как он уходит. Потом откинулась на спинку кресла и закрыла ладонями лицо. Потом опустила руки и выдохнула. То, что произошло, показалось вдруг чем-то нереальным, какой-то сказкой или сном. Сухомлинова даже встряхнула головой, чтобы снять это ощущение. И только сейчас вспомнила, что должна была сделать прежде всего. Взяла телефон и набрала номер Охотникова.

– Что-то интересное? – спросил бывший сокурсник.

– Только что мне принесли золотой фамильный рубль.

В трубке повисла тишина.

– Алле, – осторожно напомнила о себе Елизавета Петровна.

– Золотого фамильного рубля нет в природе, – тихо произнес Охотников.

– Я знаю, – согласилась Сухомлинова.

– Ты оставила монету на экспертизу?

– Зачем, если такой монеты нет в природе.

– Почему не позвонила мне сразу?

Она не успела ответить, как он перешел на крик.

– Лиза, если есть какие-то сомнения, оставляешь предмет на экспертизу, на оценку...
Кстати, сколько он просил?

– С чего вы взяли, что это был мужчина? Может, это была женщина.

– Баба? – не поверил начальник. – Правда, что ли? Такого не может быть.

– Вы правы – это был немолодой мужчина. Очень элегантный... Он сказал, что начальный лот не ниже пяти миллионов евро.

– Где-то так, – согласился Юрий Иванович, – ты паспортные его записала?

– Нет, потому что этот золотой рубль – подделка.

И тут пошли гудки. Но не прошло минуты, как Охотников позвонил снова.

Она приняла вызов, но не успела даже слова сказать, потому что сразу услышала:

– Дура!

Бывший сокурсник на этом и закончил разговор. Елизавета Петровна, разумеется, обиделась и даже подумала о том, что терпеть такое больше не будет – надо срочно написать заявление об увольнении. Она заглянула в ящик стола в поисках чистого листа, но там не было ничего, кроме электронных весов и лупы. Сухомлинова откинулась на спинку рабочего кресла, лицо ее горело. Хотелось плакать от бессилия.

Открылась дверь, и в помещение зашел Охотников. Он опустился на стул для посетителей, на котором совсем недавно сидел владелец уникальной монеты, и наклонился к окошку, пытаясь перехватить взгляд Елизаветы Петровны. А та смотрела в сторону, едва сдерживая слезы.

– Ты что такая красная? – поинтересовался он. – Обиделась, что ли? Тогда извини – я не со зла. Но есть правила: мы же договорились с тобой. Если кто-то принесет что-то стоящее... Даже если это подделка, то все равно сразу звонишь мне. Я просто опешил от такой новости, а ты даже в паспорт его не заглянула. Золотой фамильный рубль – легенда, но я знал человека, который видел эту монету. Владел этим рублем... Вернее, он говорил, что этот рубль у него есть. Некий дядя Сема... Если честно, не был знаком с ним лично. Фамилии его я не помню, но могу узнать. Он был коллекционером, собирал все подряд: картины, иконы, фарфор, монеты... Коллекция монет у него была уникальной. Причем у этого дяди Семы были исключительные не только вкус, но и нюх. По слухам, он стал собирать свою коллекцию во время блокады. Имел возможность доставать продовольствие и потом обменивал на антиквариат. Но его коллекцию могли видеть только самые приближенные люди – те, кому он безусловно доверял. Одного из них я немного знал: так вот он уверял, что дядя Сема показывал ему золотой николаевский фамильный рубль.

– Где сейчас эта коллекция?

– Никто не знает. А дядю Сему убили уже лет тридцать назад. Грабители проникли в его квартиру, вынесли все, что смогли. Скорее всего, искали именно эту монету. Старика пытали. Мучили, видимо, долго. Потому что он умер от этих пыток. Напали на него не случайно...

– Кто-то навел? – догадалась Сухомлинова.

Охотников кивнул и вздохнул.

– Теперь ты понимаешь, почему так важно было узнать, кто принес нам эту монету. Через него можно выйти на убийц. Ты сказала, что он немолод.

– Немолод, элегантен, воспитан...

– Под такое описание любой подойти может. Да хоть бы и я. Надо что-то конкретное указать. Ты в случае чего фоторобот составить сможешь?

– Не знаю, скорее всего, нет. Я теперь закрываю глаза, пытаюсь воссоздать в памяти его внешность, но не вижу ничего. Седой, гладко выбрит.

Охотников кивнул и задумался.

– Я думаю, что он скоро вернется. Зашел наверняка для того, чтобы прощупать почву – возьмем ли такую ценность.

Бывший сокурсник достал из внутреннего кармана бумажник, раскрыл его и положил на прилавок две пятитысячные купюры.

– Это премия тебе за то, что греческую монетку не упустила. Я уже ее реализовал. Очень удачно и без всякого аукциона.

Юрий Иванович снова заглянул в ее лицо.

– Ты ничего не хочешь добавить? – спросил он. – Такое чувство, что ты мне сказала что-то не то... Неужели ты прежде видела этого мужика? Знакомый твой, что ли?

– Не видела никогда, – покачала головой Сухомлинова, – повода у меня нет тебя обманывать.

Но повод так ответить у нее был.

Глава четвертая

Когда-то он за ней бегал. Почти на протяжении всего первого курса. Юрка был худым – почти тощим, с большой головой, которая казалась еще больше из-за густой шапки выющихся волос. Кто-то из остряков первого курса дал ему прозвище «Пенис Эректус», слыша которое, некоторые девочки краснели, а некоторые хихикали. Может быть, именно из-за этого Лиза не хотела с ним встречаться, а Юра предлагал и в кино сходить, и в кафешке посидеть. Звал к себе в гости одну и на вечеринки вместе со всеми. Но Сухомлинова отказывалась. Прозвище вскоре позабылось, то есть почти забылось – потом Охотникова все называли просто Эриком.

Дома она у него все-таки побывала. Но вместе со всей их группой. Встречали Новый год, и было очень весело. Лизу более всего поразили картины, висевшие на стенах. Особенно небольшой этюд Саврасова, похожий на эскиз к его картине «Грачи прилетели». Выпивали, закусывали, шутили и танцевали. Хозяин, правда, уединился в родительской спальне вместе Ириной Лушкиной. Потом он снова появился за праздничным столом с необыкновенно счастливым лицом. Ребята поздравили его, а девочки понимающе переглянулись. Юра, он же Эрик, был не единственным на курсе, кому отдалась Ирка. После этого все надежды на сближение с Лизой, если они были, конечно, у него пропали. А сама Сухомлинова не очень-то и переживала, хотя все равно было обидно. А другие к ней больше не подкатывали, вероятно, Охотников объяснил им доходчиво, что Сухомлинова – недотрога.

И это было правдой. Было правдой все годы обучения и еще один год после выпуска. Лизу распределили в Лугу директором местного краеведческого музея, в котором не было ничего интересного. И в самой Луге не было ничего интересного, разве что одно обстоятельство: все жители этого городка от мала до велика – и любители литературы, и те, кто за всю свою жизнь ничего не прочитал, кроме букваря, – знали наизусть одно стихотворение Александра Сергеевича Пушкина.

Есть в России город Луга
Петербургского округа.
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Кабы не было на свете
Ново-Ржева моего.

Все гордились тем, что сам Пушкин их прославил.

Директором музея Лиза была меньше года, а потом из декретного отпуска вышла бывший директор – сорокалетняя дама с педагогическим образованием и крашенными в сиреневый цвет волосами. Муж у нее работал в райкоме партии, а потому вернуть Сухомлинову в родной город сиреновой даме труда не составило.

Но эти десять месяцев, проведенные в Луге, не прошли даром. Именно там Лиза познакомилась с Владимиром Павловым, который впоследствии стал ее мужем. Охотникова после окончания института она встречала всего раза три. Однажды в Эрмитаже на выставке привезенных из Лувра полотен. Почти сразу после этого они столкнулись в здании Академии художеств и битый час болтали ни о чем. Юра к тому времени заметно возмужал и не казался тощим. В третий раз она его почти ни узнала: Охотников раздобыл, на нем был красный пиджак и шелковая рубашка с воротником апаш, из-под которого торчала массивная золотая цепь. Он стоял возле дорогой иномарки, Сухомлинова хотела проскочить мимо, но бывший сокурсник окликнул ее и подскочил сам.

– Я тут исторической литературой стал интересоваться, – сообщил он, предварительно даже не поздоровавшись, – так что интересно. Оказывается, перед революцией был такой военный министр – генерал Сухомлинов. Распутин называл его «Старикашкой на веревочке». Не твой ли предок?

Лиза ответила не сразу – раздумывала, стоит ли говорить правду. Но потом призналась.

– Дальний родственник, – сказала она, – только при чем здесь его прозвище. Некоторых вообще «эректусами» называли.

– Да я это к слову, – не обиделся Охотников, – я вообще удивляюсь, что мы встретились. Не случайно, видать. Но ты знай: если после того генерала осталось что... Ордена, антиквариат, воспоминания, письма... Короче, все мне тащи – я теперь это все покупаю. Заплачу честь по чести: чай, не чужие люди.

Не чужой и не посторонний, Юрка был неплохим парнем, да и сейчас, когда он так высился, остается прежним. И душой он ее назвал не со зла.

Глава пятая

Елизавета Петровна сидела в своем скворечнике и размышляла о том, что совмещать две работы хорошо, конечно, но стоит ли это делать сейчас, когда все так складывается? В аукционном доме она занимается любимым делом. То есть почти любимым, а здесь она как прислуга – вроде привратника. Быть прислугой не зазорно, но все-таки... Охотников непрозрачно намекнул ей, чтобы она бросала работу консьержки, потому что ему это не нравится. Видимо, придется так и сделать. На адвоката все равно не хватит, его услуги недешевы. Сухомлинова посетила адвокатскую контору, где ее хорошо приняли и даже назвали цену на свои услуги. Адвокат попросил почти семьдесят тысяч рублей и сказал, что в случае выигрыша дела деньги эти вернутся полностью, потому что судебные расходы в полном объеме оплачивает проигравшая сторона.

– А если дело проиграем мы? – спросила Елизавета Петровна. – Мне тогда оплачивать их расходы? А что, если они своему адвокату заплатят миллион? Нам с дочкой в таком случае квартиру продавать?

Адвокат задумался и потом произнес уже не так уверенно, как прежде:

– Не думаю, что дойдет до этого. Но сами понимаете, что Федор Степанович человек со связями, знаком со многими высокими людьми и, если потребуется, сможет достучаться до еще более высоких. Тем более что дело касается его сына и внука.

Он выложил это с такой проникновенностью, словно забыл, что маленький Федя – внук не только Первеева. А ведь Елизавета Петровна тоже бабушка, а в решении суда о ней вообще не было сказано ни слова. Вполне может быть, что бывший муж дочери за что-то обижен на Аню и потому не хочет, чтобы ребенок общался с матерью, но бабушка здесь при чем?

Сухомлинова думала об этом, когда подняла глаза и увидела склонившегося к ее окошку директора ТСЖ. Александр Витальевич улыбнулся ей приветливо и произнес участливо:

– С вами ничего не случилось? А то у вас такое лицо...

Елизавета Петровна пожала плечами и решила:

– Хочу уволиться, нашла другую работу.

– Какой удар для меня! – воскликнул начальник. – А иначе как-то нельзя? Может, совместить получится?

– Я уже совмещаю. Только новое начальство против совместительства. А там зарплата значительно больше.

– И начальство моложе, – предположил Александр Витальевич.

– Да что вы! – возмутилась Сухомлинова, хотя, по существу, так оно и было.

– Печально, печально, – вздохнул директор ТСЖ. – Где же я достойную замену возьму?

И вы еще небось хотите уйти без отработки?

– Я бы хотела сразу. А то еще две недели совмещать – тяжело для меня.

Бывший полицейский посмотрел на часы.

– Я сейчас спешу. А вечером вы заходите ко мне, всё и обсудим. Вы же давно обещали. А заодно мою небольшую коллекцию картин посмотрите.

И тогда Елизавета Петровна согласилась. Но еще было самое начало дня – вернее, утро, – через полчаса придет смена. Придется ехать домой, а вечером спешить на встречу с Александром Витальевичем.

Но, вернувшись домой, она сразу легла на диванчик, чтобы поспать немного, потому что после бессонной ночи чувствовала себя разбитой... А когда открыла глаза, было уже два часа дня. Надо было что-то делать по дому. О приглашении Тарасевича она забыла, а когда вдруг вспомнила, то поняла, что надо бежать на эту встречу, хотя делать этого не хотелось вовсе. Но пришлось. Она тряслась в маршрутке с ощущением чего-то неизбежного, что должно слу-

читься непременно, но чего она пытается избежать. Потом маршрутка попала в ДТП – не сама попала, а в нее въехал большой черный внедорожник, который, как сразу выяснилось, почти не пострадал – у него лишь немного треснул передний бампер, а у автобусика была огромная вмятина в боку. Но все равно из черного автомобиля вышли молодые люди, смахивающие на подростков. Они обматерили пожилого водителя маршрутки, а потом стали снимать всё на камеры своих айфонов, комментировать всё происходящее и весело материться.

Остаток пути Елизавета Петровна прошла на своих двоих. Спешила, но успокаивала себя тем, что ничего страшного с ней сегодня уже не случится.

Глава шестая

Квартира-студия оказалась огромной. И окна были во всю стену. А на других стенах висели картины, что делало помещение еще больше похожим на мастерскую художника. Александр Витальевич, очевидно, подготовился к ее приходу. Посреди комнаты стоял накрытый стол. Хозяин, встретив гостью, тут же усадил ее в кресло возле стола, а сам метнулся к холодильнику, откуда тут же вытащил бутылку шампанского. Такая поспешность не понравилась Елизавете Петровне. Она поднялась и попросила разрешения посмотреть картины.

– Что за вопрос? – удивился хозяин. – Смотрите все, что хотите.

Картины были так себе. Холсты старые, но, скорее всего, в большинстве это были очень старые работы студентов Академии художеств. Этюды и эскизы к дипломным работам. Лежащая с закрытыми глазами девушка – скорее всего, это эскиз к работе «Воскрешение дочери Иаира»: на курсе, где учились Репин и Поленов, это была дипломная тема. Но рука явно не того и не другого.

И вдруг Сухомлинова замерла. Александр Витальевич, поймав направление ее взгляда, подошел и встал рядом.

– Жемчужина моей коллекции! – с гордостью произнес он. – Знаменитый художник Саврасов «Грачи прилетели». Та, что в музее висит, размерами побольше будет, но зато в моей больше солнца. Так мне специалист сказал.

– Охотников, – уточнила Елизавета Петровна.

– Какой? Ах, вы про того, что в нашем доме живет. Да я с ним практически не знаком. Другой специалист это сказал. Мало, что ли, у нас искусствоведов.

– И в самом деле, – согласилась Сухомлинова и поинтересовалась, откуда здесь это полотно.

– Я повесил, – пошутил хозяин, – картина у меня уже много лет. С нее, к слову сказать, и началась моя коллекция. Лет тридцать тому назад зашел я как-то в комиссионный магазин, увидел эту картину и приобрел. Правда, торговаться долго пришлось. Время такое, что ни у кого денег не было. Кто-то свои вещи у метро продавал, кто-то сдавал картины в комиссионку, а старинные серьги в ломбард. Потом уже, когда я хозяину магазинчика свое служебное удостоверение показал... Просто для того, чтобы он знал, с кем имеет дело, и не накручивал цену, он мне пообещал, что будет для меня оставлять, если что-то интересное появится.

– Мне кажется, что я уже видела эту работу прежде, – призналась Сухомлинова.

– Вряд ли. Хотя чего в жизни не бывает. Давайте-ка лучше за стол сядем.

За стол Елизавета Петровна не стремилась. Она продолжала рассматривать картины, особенно ту – теперь она не сомневалась в том, что это была та же самая работа Саврасова, которую она видела в квартире Охотниковых, и, разумеется, не подделка – тот же широкий мазок и проработка деталей тонкой кистью, так же пробиваются сквозь кроны голых деревьев лучи почти белого весеннего солнца...

– У меня еще была картина Перова, – прозвучал за спиной голос Александра Витальевича, – но я ее удачно реализовал. Нашелся настоящий ценитель. Хватило Диме на домик в Черногории. Хотя тот домик и пятой части этой студии не стоит. Разве что море рядом.

– Года два назад в Лондоне на аукционе была продана картина неизвестного на Западе художника Перова. Кто-то выложил за нее полмиллиона евро. Это посчитали сенсацией. Прежде там лишь Айвазовского ценили. Да и то после того, как одну его работу купил папа римский.

– Надо же! – удивился директор ТСЖ. – А что на ней было изображено?

– Жанровая сцена. Двое помещиков в кабаке на купеческой ярмарке. Купцы после удачных сделок гуляют, а помещики к ним подсели, чтобы выпить за чужой счет.

– У одного помещика грязные сапоги, а второй в рваных башмаках?

– Кажется.

Александр Витальевич побледнел, а потом, покачивая головой, выдохнул:

– Вот ведь гад какой! Надул меня все-таки. Ну да ладно: бизнес есть бизнес.

– Так это все-таки Охотников? – спросила Сухомлинова шепотом, как будто начальник мог находиться где-то поблизости и слышать их разговор.

Александр Витальевич не ответил, он смотрел на картину Саврасова, а потом обратился к полотну:

– А тебя я никому не продам.

Потом повернулся к госте:

– Прошу к столу!

Теперь уж Сухомлинова отказываться не стала. Она не отказалась и от бокала шампанского. А хозяин выпил коньяка. Причем осушил пузатый бокальчик залпом, как водку. Закусил кусочком сыровяленой колбаски и без всякого предисловия перешел к главному, для чего, очевидно, и пригласил в гости Елизавету Петровну.

– Я, как вы, наверное, знаете, вдовец. Уж скоро десять лет, как это случилось. Я на службе в тот день был. Она позвонила, сказала, что ей плохо. Я посоветовал вызвать врачей – кто ж знал, что там все так серьезно. Бригада прибыла, врачи в дверь звонят, а никто не открывает. Не сразу, но решили дверь взломать. Вызвали специалистов, открыли замок... Жена уже не дышала. Лежала в коридоре, видимо, хотела дверь открыть заранее... Тромб оторвался. Похоронил я ее, а потом написал рапорт об увольнении по выслуге. Зачем мне все, когда для нее жил и работал. Ну, на пенсию жить – сами понимаете, как оно. Пошел в строительную фирму начальником службы безопасности. Фирма как раз этот жилой комплекс и построила. Организовали здесь товарищество собственников и назначили меня директором. И с тех пор тружусь здесь. О новом браке не помышлял даже. Но когда увидел вас... Вы не поверите, Лиза... Можно я вас так буду называть, а то с отчеством как-то официально получается, как на допросе подозреваемого.

– Честно говоря... – смутилась Сухомлинова, не решаясь отказать сразу.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался директор ТСЖ, – а вы меня можете звать Сашей... Или лучше Саней. Мне второе предпочтительнее: как будто мы с вами знакомы лет двадцать или тридцать. А мне именно так и кажется. Не с первого раза так стало казаться. Если честно, я, когда вас увидел, решил, что вам лет сорок от силы. Подумал даже, зачем эта фифочка к нам устраивается. А когда пенсионное удостоверение ваше посмотрел, так даже самому стало стыдно за свои первоначальные упаднические мысли. Вы уж простите, ради бога.

– Я не в обиде, – потрясла головой Сухомлинова, которой этот разговор нравился все меньше. – Но, может быть, мы поговорим на эту тему в другой раз?

– Какой еще раз? – удивился Александр Витальевич, наполняя ее бокал шампанским.

Он держал бутылку склоненной очень долго, дожидаясь, когда всплывут все пузырьки и бокал наполнится до самых краев.

– Другого раза может и не быть, – говорил он при этом, – вы уволитесь, а потом ко мне вас и силком не затащишь. До вас тут работала одна. Так она сама напрашивалась ко мне, хотя и замужняя.

Он наконец наполнил ее бокал, а потом плеснул себе коньяка. Наполнил пузатый бокальчик тоже доверху, чему удивился.

– Ну это на два раза, – успокоил он себя, – давайте за то, чтобы не терять друг друга в этой тяжелой и не всегда справедливой жизни.

Елизавета Петровна едва пригубила, мечтая поскорее исчезнуть из его квартиры. А директор ТСЖ опять выпил залпом, не оставив ни капли. Он поморщился, взял рукой кусочек колбаски и, разжевывая его, продолжил:

– Я это к тому, что та сотрудница за всеми жильцами следила. Кто с кем, когда, к кому кто приходит... Тетрадочку вела своих наблюдений. Вот она передала свои записи, а я взял, даже не думая, что загляну туда. А сегодня утром открыл просто так, без всякого любопытства. Начал читать и обомлел. Все по датам, по часам расписано. На каждого жильца – отдельный раздел: связи, встречи... А у нас ведь разные люди. Ну ладно, если актер или режиссер – их жизнь разве что папарацци интересует. Но ведь есть банкиры, чиновники, бывшие криминальные авторитеты. Казалось, что может простая консьержка? Но та дамочка не простая – она в недавние времена трудилась в полиции в отделе наружного наблюдения. Так что грамотная в этом отношении...

– Может быть, сменим тему, – предложила Сухомлинова.

– Как скажешь, Лиза, – согласился Александр Витальевич, – но тетрадочка эта просто бомба. Если заинтересованному человеку в руки попадет, то тут столько голов полетит! Я эту тетрадочку под стиральную машину спрятал. То есть под резиновый коврик, что под стиральной машиной. На всякий случай спрятал: вдруг ко мне бухгалтер ТСЖ по делу зайдет, а тетрадка на столе. Бухгалтерша заглянет туда ненароком, а еще хуже – утащит, и пошла писать губерния. Сами понимаете... то есть сама понимаешь. Или Михеев зайдет – директор управляющей компании. Такую тетрадку надо прятать или в сейфе держать.

– Что такого может узнать обычный консьерж? – удивилась Сухомлинова.

– Ничего, – согласился директор и повторил: – Обычный консьерж – ничего. Но специалист может многое. Она сама наблюдала, подслушивала, разнюхивала, узнавала всякие сплетни, проверяла информацию... Вы такого жильца по фамилии Пряжкин знаете, наверное?

Елизавета Петровна кивнула.

– Пряжкин-то он Пряжкин, – усмехнулся директор, – это сейчас он Анатолий Ефимович. А в незапамятные времена отметился как Толя Напряг. Две ходки... Простите, две судимости. Оба раза освобождался по УДО, что само по себе удивительно. Наглый был до безумия. Он и сейчас никого не боится. На третьем этаже банкир Сопаткин. Так вот у него с Напрягом и сейчас какие-то дела. Встретились они в квартире Сопаткина, обсуждали там что-то, потом спустились вниз, а разговор не закончили, вышли на крыльцо и базарили еще минут пять. А микрофон-то в переговорном работает. Так вот эта наша бдительная...

– Честно говоря, – остановила его Сухомлинова, – мне до их разговоров никакого дела. Я пришла к вам из уважения, а не для того, чтобы узнать что-то о людях, которых не увижу больше никогда.

– И это правильно, – согласился Александр Витальевич, – меньше знаешь – лучше спишь.

Он снова потянулся к шампанскому, но Елизавета Петровна остановила его руку.

– Мне надо идти, – сказала она, – у меня у дочери большие проблемы.

– Проблемы? – удивился директор. – Так давайте я их решу все разом. Не забывайте, что я отдал органам почти тридцать лет. Связи кое-какие сохранились.

Он наполнил свой бокальчик коньяком, посмотрел на Сухомлинову и спросил не вполне внятно:

– Эм?

Видимо, он таким образом предлагал выпить еще.

– Я вообще-то не пью вовсе, – предупредила его Елизавета Петровна.

– И это правильно, – согласился Александр Витальевич и тут же выплеснул себе в рот полный бокальчик коньяка.

– Вы подписали мое заявление? – поинтересовалась Сухомлинова.

– Долго, что ли? Раз – и всё как в ЗАГСе. Теперь вы свободная женщина.

– Тогда я пойду.

Он проводил ее до лифта, а когда двери кабины открылись, полез обниматься и шепнул в ухо, дыша коньяком и колбаской:

– Надеюсь, завтра побеседуем более содержательно.

Что он имел в виду, Сухомлинова не поняла, но понадеялась, что ничего конкретного. Впрочем, она приходить к нему завтра не собиралась вовсе.

Глава седьмая

Она сидела на своем рабочем месте, когда в комнату заглянул Охотников. Поинтересовался ее настроением.

– Вчера уволилась из ТСЖ, – сообщила она. – Александр Витальевич не хотел меня отпускать. Кстати, была у него в гостях и видела этюд Саврасова, который до того был в вашем доме.

Юрий Иванович напрягся и ничего не сказал.

– Как картина Саврасова могла попасть к нему? – спросила Сухомлинова.

– Не знаю. Мой отец в те годы под следствие попал. Он же был директором районного треста столовых и ресторанов. А тогда как раз приватизация началась... Короче, взяли его за какие-то нарушения мнимые. Вот мы с мамой и начали распродавать все наше добро, чтобы хватило на адвокатов, на взятки и прочее. Дали ему условный срок. Но он даже до конца его не дожил. Сердце не выдержало испытаний, бесчестья, того, что все друзья от него отвернулись. Кстати, некоторые из них потом легко вписались в новую жизнь. Разбогатели так, что... И вряд ли делали все по-честному.

– С трудов праведных не добудешь палат каменных, – подтвердила Елизавета Петровна.

Она еще хотела поинтересоваться у Охотникова, будет ли он выкупать у директора ТСЖ принадлежавшую когда-то его семье картину, но, увидев лицо Юрия Ивановича, не решилась.

– Тот же самый этюд, что и у вас был, можно не сомневаться, – сказала она, – ваш я на всю жизнь запомнила. И к тому же зачем художнику несколько раз повторять один и тот же, пусть даже удачный сюжет.

– Даже если и так, – махнул рукой бывший сокурсник, – что с того? Нашей семье эта картина счастья не принесла. Надеюсь, ему повезет. А что касается...

Юрий Иванович не договорил, потому что в помещение вошел мужчина, прижимающий двумя руками к своему боку что-то завернутое в плотную ткань. Он покосился на Охотникова, а потом шагнул к окошку, продолжая держать свою ношу.

– Я это... – начал было он, но снова покосился на Юрия Ивановича, а потом продолжил: – Тут я часики принес. Хотел бы их это самое...

– Выставить на аукцион или продать через магазин? – поинтересовалась Сухомлинова.

– А где больше дадут? Да и побыстрее чтоб.

– Вы покажите, – предложил Охотников, – возможно, меня они заинтересуют.

Мужчина поставил пакет на прилавок, откинул края материи, оказавшейся старой скатертью.

– Вот, – произнес он с печалью в голосе, – швейцарские. Триста лет в нашем доме на стене висели, а тут финансово прижало. Приходится от сердца отрывать. Они с боем, кстати.

– Часы немецкие, – усмехнулся Охотников и посмотрел на Елизавету Петровну.

– Не вижу клейма, – подхватила она, – но по виду похоже, что произведены они в Шварцвальде во второй половине девятнадцатого века. Такие часы после войны почти в каждом доме висели. Их привозили многие в качестве военных трофеев.

– А ты где поживился? – обратился Охотников к посетителю. – Где добыл такой трофей?

– Как вы могли!.. – возмутился посетитель и оглянулся.

– Елизавета Петровна, не в службу, а в дружбу, – продолжил Юрий Иванович и обернулся к Сухомлиновой, – зайдите на полицейский сайт, где они размещают список антикварных вещей, похищенных на всей территории нашей необъятной родины. Наверняка эти часы, недорогие, к слову, там присутствуют. А я пока приглашу охрану.

– Вы че! – вскричал посетитель. – Так это мое. Я с рук купил недавно. Сто тыщ дал. Последние деньги вложил.

– Так нажимать кнопку? – спросила Елизавета Петровна.

Мужчина сделал шаг назад, а потом быстро развернулся и бросился из комнаты.

– В списке украденных вещей часов много, но похожие не числятся, – продолжила Сухомлинова, – хотя я еще не весь список просмотрела.

– Потом посмотрите, а пока пусть они у вас постоят. Вернее, походят. Повесим их на стенку, заведем. Пусть себе тикают. Если они не краденые, то я подарю их кому-нибудь. Хотя бы тебе.

– Мне не надо.

– Значит, надо думать, кому их преподнести. А тебе в любом случае премия за сегодняшний день. Часы эти всяко сто тысяч рублей стоят. Десятка из них – твоя. Деньги тебе нужны?

Елизавета Петровна помялась, а потом кивнула, чувствуя, что краснеет от стыда, словно только что она согласилась стать соучастницей какого-то преступления.

– Видишь, какая прибыльная у тебя работа, – напомнил бывший сокурсник, – так что бросай то грязное дело.

– Так я же сказала вам, что уволилась вчера.

– Не вам, а тебе, – напомнил Охотников, доставая из кармана бумажник.

В этот день посетителей было, как никогда, много. Особо ценного среди вещей, принесенных на оценку, не было. Разве что двойной дублон. Помня о том, что монеты особенно интересуют начальство, Сухомлинова набрала номер Юрия Ивановича, но телефон того находился вне зоны. Вскоре Охотников перезвонил сам и, узнав о золотой монете, сказал, что можно принять ее, чтобы выставить на торги.

К концу дня поток людей, пытающихся продать старинные вещи, иссяк. Елизавета Петровна еще раз позвонила начальнику и доложила, что нынешний день был чрезвычайно плодотворным.

– А я в тебе не сомневался, – спокойно ответил Юрий Иванович, – ты однозначно приносишь удачу. Если так пойдет, надо будет увеличить тебе оклад и, может быть, положить тебе процент с продаж. Так, глядишь, и разбогатеешь через год-другой.

После чего он сообщил, что в офисе его сегодня не будет, он заскочил к приятелю на дачу, потому что последние теплые деньки надо использовать. Он еще что-то сказал, но последние слова пролетели мимо ее сознания. Елизавета Петровна поняла, что теперь есть надежда на хорошего адвоката. То есть надежда, что у нее хватит средств, чтобы нанять опытного и честного человека, а не пройдоху. Только как отличить хорошего адвоката от плохого, Сухомлинова не знала. Хотелось бы, чтобы кто-то, кому можно доверять, посоветовал ей, но в кругу ее знакомых таких опытных людей не было. Да и круг был весьма ограничен. И вдруг ее осенило! Она вспомнила подругу, которую не видела уже очень давно. А когда они виделись в последний раз, та сообщила, что ее дочь, которую Елизавета Петровна знала еще девочкой-подростком, теперь следователь и что она раскрыла серию убийств, которые совершал маньяк. Потом Веру показывали по телевидению, она даже давала интервью, которое Сухомлинова смотрела внимательно, не веря, что эта девушка в форме, с таким знакомым лицом – та самая тихая Верочка.

Она набрала в поисковике «Вера Бережная», и тут же пришли ссылки. Как оказалось, теперь дочь подруги вовсе не следователь. У нее теперь частная фирма, которая называется «Восточно-Европейское Розыскное Агентство», или просто «ВЕРА». Предприятие, судя по отзывам, преуспевающее. И оно, помимо всего прочего, оказывает и юридические услуги, предоставляет опытных адвокатов и налоговых консультантов. Елизавета тут же позвонила дочери и сообщила, что появилась возможность решить все проблемы. Стала рассказывать о Бережной, но дочь тут же перебила ее:

– Мама, ты что, с луны свалилась? Я про Веру давно знаю. Тоже думала на эту тему, но ты знаешь, сколько ее услуги стоят? К ней разные олигархи в очередь стоят, а тут мы со своими мелочами.

Глава восьмая

Вечером за ужином она сообщила дочери, что теперь будет работать только в аукционном доме, где ей прибавили зарплату и даже намекнули, что смогут выплачивать процент с продаж. Рассказала и о том, что уже подала заявление об увольнении начальнику ТСЖ, который обещал помочь ей в решении вопроса, связанного с возможностью видетсья с Федечкой.

– Мама! – не выдержала Аня. – Мне не нужна возможность видетсья с сыном раз в неделю. Я хочу видеть его постоянно. Хочу, чтобы он жил с нами! И потом, кто этот твой начальник? Господь Бог?

– Нет, он не Бог, конечно, но он бывший подполковник полиции, с большими связями.

– Ты сама подумай: кто он и кто Федор Степанович! Первеев его проглотит и не подавится... Он таких...

Дочь замолчала, а потом посмотрела на Сухомлинову круглыми глазами.

– Мама, – почему-то она перешла на шепот, – фамилия твоего бывшего начальника не Тарасов случайно?

– Тарасевич, – подтвердила Елизавета Петровна, – а в чем дело?

Дочь молчала, а потом вздохнула:

– Я сегодня криминальные новости слушала. Не слушала, просто телик работал, а там сказали, что застрелен директор ТСЖ Тарасов... то есть Тарасевич, который до выхода на пенсию служил в полиции.

– Это, наверное, какое-то совпадение, – не поверила Сухомлинова, – за что его убивать? Наверное, сказали про Тарасова, а потом...

Дочь покачала головой:

– Сказали «Тарасевич». Директор товарищества собственников на Васильевском острове. Но я дальше не слушала. Ты же знаешь, не люблю такие новости, когда убивают кого-то. Просто выключила телевизор. Но если ты хочешь, можешь посмотреть, выпуск скоро повторят. Такой видеорепортаж они будут постоянно гонять, словно издеваются над всеми нами.

Дочь осталась на кухне, а Елизавета Петровна пошла в комнату и включила городской канал. Ждать пришлось почти час. Наконец начались местные новости, и прозвучала главная тема дня: убийство на Васильевском острове. Как оказалось, Александра Витальевича застрелили, когда он выехал из двора в узкий Тучков переулок, перед поворотом в сторону площади Сахарова в него выстрелили дважды через стекло машины. В переулке есть камеры видеонаблюдения, но ни на одной из них момент покушения не запечатлен, так как преступник выбрал единственное место, не попадающее в обзор камер. И сам он не попал. Скорее всего, киллер хорошо изучил местность и ушел через проходные дворы. Так сказал представитель следственного комитета.

– Мама! – крикнула с кухни Аня. – Твой телефон звонит.

Сухомлинова успела схватить аппарат и ответить.

– Елизавета Петровна, – обратился к ней незнакомый и очень вкрадчивый голос, – вас беспокоит майор юстиции Егоров. Я хотел бы встретиться с вами и поговорить.

– На какую тему? – не поняла Сухомлинова.

– А вы разве не знаете, что случилось с вашим директором?

– Слышала, но я там уже не работаю.

– Я видел ваше заявление, но видел и то, что оно не подписано. А потому нет приказа о вашем увольнении. Значит, вы по-прежнему являетесь сотрудником управляющей компании. Так что подъезжайте завтра на работу.

– Завтра не моя смена, – попыталась возразить Сухомлинова.

– То есть вы отказываетесь сотрудничать со следствием? – так же вкрадчиво обратился к ней майор юстиции Егоров.

– Я готова сотрудничать, только не знаю, чем могу помочь.

– Ну, как чем? Вы были одной из последних, кто общался с убитым. Причем вы общались достаточно близко. Вы были у него в гостях, выпивали. Провели в квартире Тарасевича более часа.

– Разве? – не поверила Сухомлинова. – А я думала, что недолго была. Зашла и почти сразу вышла. Раз, и всё...

Следователь молчал, а потом прокашлялся в трубку и продолжил:

– Мы и это обсудим. Так что жду вас завтра на вашем рабочем месте в девять тридцать.

– У меня другая работа – более важная и ответственная.

– Ровно в девять тридцать, – повторил следователь и добавил: – Попрошу не опаздывать.

И тут же пошли гудки.

Елизавета Петровна не знала, что ей делать, но понимала, надо предупредить начальство. Она набрала номер Охотникова, а когда тот ответил, спросила:

– Вы всё еще за городом?

– Как раз в бане сидим с приятелем. А что такое?

– Я завтра утром задержусь на какое-то время.

Юрий Иванович молчал, а потому Сухомлинова спросила осторожно:

– Вы телевизор не смотрели сегодня?

– Упаси боже, – ответил ее начальник, – я вообще его не смотрю. А что случилось?

– Дело в том, что Тарасевича сегодня утром застрелили.

И снова бывший сокурник молчал.

– Алле, – осторожно попыталась вернуть его Елизавета Петровна.

– Я слышу, – ответил тот, – просто пытаюсь осмыслить известие. Как, где, когда и за что могли убить председателя ТСЖ? В голове не укладывается. И что полиция говорит?

– Я не знаю. Меня как раз завтра на допрос вызвали.

– А вас-то за что?! Ну ладно, можете задержаться, я попрошу кого-нибудь вас подменить на пару часиков. А вы там тоже не только отвечайте, но и расспросите, как и за что с ним расправились так жестоко.

Глава девятая

Она подошла к своему стеклянному скворечнику и заглянула внутрь. Там сидела ее сменщица Нина Николаевна, выглядевшая очень взволнованной.

– Вас еще не допрашивали? – обратилась к ней Сухомлинова.

Та в ответ перекрестилась.

– А меня вызвал какой-то майор, застрашал и приказал явиться сюда без опозданий.

– Я вас не страшал, – произнес за ее спиной мужской голос, – я просто выполняю свою работу, а ваша гражданская обязанность оказывать посильную помощь следствию.

Очевидно, он прятался за углом, на площадке перед лифтами, и вышел, услышав ее голос. Подошел неслышно и неожиданно, как любая неприятность. Майор юстиции Егоров оказался невысоким и невзрачным на вид, но голос его не соответствовал внешности – он был уверенным и твердым.

– Сейчас мы с вами поднимемся в квартиру гражданина Тарасевича, и вы мне расскажете, о чем вчера говорили со своим начальником.

В квартире работали эксперты. Дверцы шкафов и полки были приоткрыты и смазаны каким-то черным порошком.

– Посмотрите внимательно, – обратился к Сухомлиновой следователь, – что изменилось с тех пор, как вы покинули помещение.

– Вы серьезно? – удивилась Елизавета Петровна. – Изменилось здесь все. Вчера все здесь было прибрано, а теперь как будто Мамай прошел. На столе вчера стояли две бутылки: одна с шампанским, полная более чем наполовину, и французский коньяк, из которой Александр Витальевич выпил всего граммов сто пятьдесят. И постель была аккуратно застелена, а сейчас белье сползло на пол.

– Обе бутылки мы нашли пустыми в мусорном пакете, – обиделся следователь, – а постель мы обнаружили именно в таком виде. Вы просто посмотрите, что пропало – может, картины или какие-то другие ценные вещи.

Сухомлинова подошла к стене и посмотрела на полотна.

– Всё на месте, – сказала она, – а если вас интересует, чем мы тут занимались, то скажу, что я пришла для того, чтобы подать заявление об увольнении. Александр Витальевич предложил поужинать с ним. Но я выпила лишь неполный бокал, а потом еще глоток. Ничего не ела. После чего ушла. Но до того как сесть за стол, мы рассматривали картины и говорили о живописи. Ведь я дипломированный искусствовед, если вы не знаете.

Следователь кивнул, а потом попросил записать все, что она сообщила, на бумаге и по возможности с подробностями, которые она может вспомнить.

Елизавета Петровна села за стол, на тот же самый стул, на котором сидела накануне, придвинула к себе листок бумаги и изложила все кратко, потому что подробности ей вспоминать не хотелось. А когда закончила и протянула лист следователю, Егоров сказал, что сейчас эксперт-криминалист возьмет ее отпечатки пальцев.

– Пара минут, – пообещал он, – и вы сможете ехать на свою новую, очень ответственную работу.

Отпечатки взяли, перемазав ее пальцы черным порошком.

– Я могу вымыть руки? – спросила Елизавета Петровна.

Следователь кивнул. Сухомлинова, не оставляя сумочку в комнате, прошла с ней в ванную комнату, закрыла за собой дверь, начала мыть руки. Взгляд ее упал на узкую стиральную машину. Не выключая воду, она подошла к ней, наклонила машину и подняла резиновой ков-

рик. Увидев край голубой ученической тетради, вытащила ее, согнула в трубочку и спрятала в свою сумку.

Когда выходила из ванной комнаты, едва не столкнулась с майором юстиции, который заглянул за плечо Елизаветы Петровны, словно рассчитывал обнаружить там еще кого-то.

– Вы должны расписаться под одним документом.

– Каким?

– Вы предупреждаетесь о том, что вам запрещено покидать город на время следствия.

– А если вы год будете расследовать?

– Тем не менее, – без всяких эмоций на лице произнес следователь.

– Сыну Тарасевича сообщили?

Следователь обернулся к скучающему эксперту, как будто ожидал ответа именно от него. А тот, уходя от ответственности, начал смотреть по сторонам.

– Прикажут – позвоню, – спокойно ответил майор юстиции.

Он достал из кармана мобильный телефон, набрал номер, но, увидев, что Сухомлинова направляется к двери, махнул ей рукой, призывая задержаться. Он разговаривал негромко, потом что-то записал на листке бумаги. Еще раз махнул рукой, но теперь уже подзывая к себе Елизавету Петровну. Протянул ей листок, на котором был записан номер телефона.

– Позвоните сами. Имя сына Тарасевича знаете?

– А почему именно я? – удивилась Сухомлинова. – Я – посторонний ему человек.

– А я тем более, – ответил следователь, – я по вечерам с убитым шампанское не пил. Просто прошу вас позвонить и сообщить. По опыту знаю, что неприятные известия лучше выслушивать от женщины – у женщин в голосе больше сочувствия.

– Ага, – обрадовался неизвестно чему слышавший их разговор один из экспертов, – в прошлом году, когда мне жена сказала, что хочет развестись, потому что у нее другой, в ее голосе было столько сочувствия!

Но Егоров даже головы к нему не повернул.

– Считайте, что это моя личная просьба, – сказал он Сухомлиновой.

И она набрала номер. Долго никто не отвечал, а потом заспанный мужской голос спросил хрипло:

– Это кто?

– Меня зовут Елизавета Петровна, – назвала себя Сухомлинова, – я работаю вместе с вашим папой. Вернее, работала. Дело в том, что... – Она вдохнула, решаясь наконец сообщить печальную новость любящему сыну: – Дима, произошла ужасная трагедия: вашего папу убили.

В трубке повисло молчание. После чего уже не хриплый, а взволнованный голос обреченно поинтересовался:

– Много вещей пропало?

– В каком смысле? – не поняла Елизавета Петровна.

– Так его при ограблении квартиры убили? – переспросил Тарасевич-младший.

– В машине.

Трубка молчала. Молчала долго. И Сухомлинова не выдержала:

– Когда вы приедете?

– Всё так не вовремя, – начал объяснять Дмитрий, – мы с женой только что из Италии вернулись, – денег, чтобы прилететь, как вы понимаете, нет.

– Но это же похороны вашего отца!

– Да, да. Конечно, я прилечу на похороны.

– А кто будет заниматься их организацией? Кто место на кладбище выберет, кто поминки организует?

– Пусть какая-нибудь фирма займется. А я прилечу и рассчитаюсь. Тысячи евро, надеюсь хватит на все про все?

– Дима, – не выдержала Сухомлинова, – вам и вашей жене Александр Витальевич купил дом, помогал деньгами, а вы... В конце концов, вы наследуете все его имущество...

– Я понял, – наконец очнулся молодой человек, – я прилечу. Завтра, может быть.

И он сбросил вызов.

– Вот такие нынче детки, – вздохнул эксперт, – даже умирать не хочется им назло.

В стеклянном скворечнике помимо сменщицы находился еще один человек. Это был Михал Михалыч Михеев – один из учредителей управляющей компании, прилизанный сорокалетний мужчина. Очевидно, он уже знал, откуда возвращается Елизавета Петровна, потому что спросил:

– Как там?

Сообразив, что вопрос неконкретный, уточнил:

– Не поинтересовались, есть ли у них подозреваемые?

Сухомлинова покачала головой.

– И так работников не хватает, а тут еще и нового директора надо искать, – с печалью в голосе произнес Михеев.

– Я вчера подала заявление, и Тарасевич меня уволил с сегодняшнего дня.

Михеев вскинул брови:

– И вы, голубушка, туда же! Нет уж. Пишите новое заявление, но уже на мое имя. А пока работайте. И попрошу без прогулов.

Глава десятая

Она спешила на работу. Ехала на троллейбусе, смотрела в окно на серый октябрьский день, думала об Александре Витальевиче, когда на середине пути вспомнила о лежащей в ее сумке тетрадке. Достала и раскрыла на середине. Почерк был мелкий, убористый, но ровный и разборчивый, словно каждую букву выписывали с огромной любовью.

...Ананян, кв. 48, приводит к себе несовершеннолетних мальчиков, которые остаются до утра.

Тут же шли даты посещений.

Помощница депутата Госдумы Тамара Баранова, кв. 13, употребляет кокаин. В таком виде садится за руль. Она же практикует секс с двумя мужчинами. Таких пар у нее как минимум две.

И опять указаны даты.

Профессор журфака Мальшико, кв. 37, – оппозиционер и взяточник. Студенты приходят к нему домой для сдачи экзаменов. Жена Мальшико на паркинге царапает ключом машины, принадлежащие женищинам моложе ее. Пострадали авто Пряжкиной, Худайбергеновой и Барановой.

Худайбергенов, кв. 14, продает наркотики Барановой...

Засл. арт. Аркадий Вертов в отсутствие жены приводит к себе студенток театральной академии.

Пряжкин, кв. 51, и банкир Сопаткин, кв. 18, обговаривали схему вывода за рубеж крупных сумм в валюте. Кроме того...

Сухомлинова едва не пропустила свою остановку.

Дверь в ее комнату была закрыта. У входа переминались с ноги на ногу две совсем юные девушки, которые жевали резинку и рассматривали молодого охранника с мощным торсом. У стены стояла завернутая в плотную полиэтиленовую ткань картина. Елизавета Петровна открыла дверь своим ключом и бросила девчонкам, не оборачиваясь:

– Владелица картины через три минуты может заходить. Только снимите пленку и оставьте здесь.

Она опустила в свое кресло, тряхнула головой, чтобы выбросить из головы все ненужные мысли. Потом вдохнула глубоко и выдохнула, настраиваясь на работу. Девчонки за стеклянной дверью сдирали с картины полиэтилен и бросали его на пол. Подошел охранник и сделал им замечание. Тогда одна стала скатывать пленку в шар, крутя его по полу. Со стороны могло показаться, что она пытается слепить снеговика. Вторая вошла внутрь, приблизилась к стойке и выставила на нее картину.

– Вот, – выдохнула она и, натужно улыбаясь, добавила: – Сколько дадите?

Это был лубок – темный и старый. Очень старый и очень темный. Но сюжет можно было разглядеть.

– Паспорт при себе? – поинтересовалась Сухомлинова.

Девчонка выкатила удивленные глаза, будто ее вызвали к доске и спросили то, что не задавали на дом.

– Полагается паспорт, – объяснила Елизавета Петровна, – если, конечно, мы что-то приобретаем. Но данный предмет нас не интересует. Кстати, откуда у вас эта картина?

– Так это... Ну... Короче, прабабка у меня умерла в деревне. Мы с родителями ездили туда, вывезли, что смогли. Но там и брать-то было нечего. Рухлядь всякая: часы какие-то привезли с кукушкой сломанной, иконы, вот эту мазню...

– А иконы где?

– Так я загнала... то есть продала. Просто подошла к какому-то мужику на улице и предложила. За две иконы он пять тысяч дал, сказал, что у него нет больше. А эту картинку не захотел брать.

– Прабабушка одна жила?

– Ну да. Мы так, заезжали иногда. Но туда ехать двести километров в один конец, и там тоска такая, что... Интернет даже не берет.

– Сколько ты за картину хочешь? Хотя без паспорта нельзя. Так что извини.

– Ой, – притворилась расстроенной девчонка, – ну, пожалуйста, хоть тыщонку дайте.

Сухомлинова посмотрела на нее строго, потом покачала головой:

– Нет... Хотя... Только из уважения к твоей прабабушке. Пятьсот рублей дам.

– Спасибо, – обрадовалась дурочка и, обернувшись, помахала рукой своей подружке.

Елизавета Петровна достала из своего кошелька пять сотенных.

– На что хоть потратишь деньги? Небось пойдете пиво пить?

Девчонка хихикнула и тут же сделала умное лицо:

– В кино ходим.

Обе они убежали.

Сухомлинова сидела молча, потом потрогала горящие щеки. Сегодня, может быть, впервые в жизни она осознанно, ради выгоды обманула человека. Хотелось вскочить, броситься вслед за глупыми малолетками, догнать, извиниться, сказать, что ошиблась... Предложить настоящую цену.

Но она сидела, чувствуя, как дрожат ноги. Потом поднялась, вышла из-за стеклянной перегородки, подняла лубок и вернулась на рабочее место.

Зазвонил телефон. Вызывал Охотников.

– Ты на месте? А я только что подъехал, сейчас зайду.

Через минуту он показался за стеклянной дверью, открыл ее и обернулся к охраннику.

– Что там перед входной дверью скомканная пленка валяется? Уберите немедленно.

Он подошел и опустил в кресло для посетителей.

– О чем следователи спрашивали?

– Спросили, все ли ценные вещи на месте. Взяли у меня отпечатки пальцев зачем-то. А еще я звонила сыну Тарасевича в Черногорию, сообщила о смерти его отца и попросила приехать. Сын его тоже интересовался, на месте ли картины. Ведь придет и все продаст: разрешение на вывоз культурных ценностей ему никто не даст.

– Картины там в каком состоянии? И есть ли что-то ценное?

– Ничего особо ценного. Есть эскиз к диплому «Воскрешение дочери Иаира», но не Поленов и не Репин.

– И уж тем более не Генрик Семирадский. Ведь Илья Ефимыч учился с ним на одном курсе, а потом остался на второй год, зная, что большую золотую медаль, как лучший выпускник, он не получит, следовательно, не будет отправлен на пансион в Италию. Семирадский туда поехал, а через год и Репин. Но этот эскиз надо смотреть. Если это Репин, то ты понимаешь... У Репина как раз перед выпуском сестра умерла, он ездил ее хоронить и вернулся под огромным гнетущим впечатлением...

Он рассказывал то, что самой Сухомлиновой было уже известно, и он знал об этом. Знал, но продолжал говорить, словно гася в себе желание разговаривать на какие-то другие темы.

Елизавета Петровна наклонилась и подняла приобретенный лубок. Поставила его перед Охотниковым.

– Надо же, – восторгнулся бывший сокурсник. – Хороший лот получится. И ведь сюжет замечательный! «Как мыши кота хоронили». Середина восемнадцатого века. На реализацию принесли?

– Никто не приносил: по случаю сама купила.

– Так давай на аукцион выставим. А если тебе деньги срочно нужны, то я прямо сейчас с тобой рассчитаюсь. Двести тысяч тебя устроит?

Она кивнула, потому что не могла сказать и слова – свело челюсти от волнения. Даже в сторону отвернулась, чтобы не видеть, как Юрий Иванович достает портмоне и считает купюры.

– Лубок на аукцион выставите? – еле выдавила она.

– А что с ним еще делать. Поставлю за четыреста. А уйдет наверняка за пятьсот. Сейчас много любителей такого... А что у тебя с голосом?

– Перевоплощалась на допросе, – ответила она и обернулась к Охотникову, который продолжал считать деньги.

– А-а, – отозвался он, не отрывая взгляда от купюр, – и у нас есть люди, и за границей, которые коллекционируют иконы и лубок. Года два назад мне принесли портрет Алексея Михайловича, выполненный в подобной технике. Так за него на аукционе такая борьба шла! Жаль, конечно, что не удалось перекупить и самому выставить, а так только свои обычные пятнадцать процентов получил, с которых еще налоги платить.

Он положил перед ней пачку.

– Пересчитай. Две тысячи евро, остальное рублями. Так даже чуть больше получается.

Сухомлинова, не пересчитывая, убрала деньги в свою сумку. Они легли прямо на свернутую в трубочку тетрадку.

– С работой консьержки, надеюсь, покончено? – вспомнил Юрий Иванович.

– Нет, требуют отработать две недели.

– Тогда забей себе график полегче. Раз в неделю – желательно, чтобы в выходные там появляться. Ты мне здесь нужна. С тобой весело работать.

Он ушел. Елизавета Петровна открыла сумку, достала рассыпавшиеся купюры, сложила их аккуратно, а потом впихнула их в кошелек. Снова открыла тетрадку и начала листать, пока не нашла.

...Пряжкин, кв. 51, на паркинге повздорил с Охотниковым, кв. 22. Кто-то кого-то послал грубо. Не разобрала, кто именно. Охотников спокойно ушел, а Пряжкин ногой пнул свою машину. «Мерседес-GLK» гос. № В 777 ОР.

Глава одиннадцатая

Две недели еще сидеть в скворечнике для консьержей – ненужное испытание. Не такие уж большие деньги, чтобы из-за них тратить свое время. Тем более когда в сумочке двести тысяч рублей, упавших туда нежданно-негаданно. Куда лучше иметь одну хорошо оплачиваемую работу... Даже очень хорошо оплачиваемую! И уделять больше времени домашним заботам и решению семейных проблем.

Именно об этом думала Елизавета Петровна, когда возвращалась домой. Вернее, не домой, а в элитный жилой комплекс в Тучковом переулке. Заехать туда было просто необходимо, чтобы поговорить с Михеевым и упротить его отпустить ее без отработки. Замену найти будет очень легко – пенсионерок в родном городе хоть пруд пруди. Больше четверти населения пенсионеры. А у нее есть двести тысяч и даже чуть больше, учитывая накопления. Теперь можно подумать о хорошем адвокате или отправиться сразу к Вере Бережной, чтобы она кого-нибудь порекомендовала.

Сухомлинова вошла в подъезд, остановилась у ненавистного скворечника. Внутри сидела все та же ее сменщица Нина Николаевна, которая дежурила с утра.

– Михеев у себя в кабинете? – спросила Елизавета Петровна.

– А что ему там делать! Еще до обеда укатил куда-то.

– А следователи долго находились у Тарасевича?

– Тоже недолго были.

– Дверь опечатали? Ключ с собой забрали?

– А зачем дверь опечатывать – там же не место преступления. А ключ они сдали.

Нина Николаевна открыла дверцу шкафа, где висели дубликаты ключей от всех квартир.

– Вот... Ой! А где же он? Сама вешала. Может, Галина взяла?

– Какая Галина? – не поняла Сухомлинова.

– Да работала тут одна, ее уволили, как раз перед тем, как ты пришла. Она сегодня заскочила. Сказала, что просто поболтать. Узнала будто бы про убийство и не может на месте усидеть. Мы поболтали немного, я в туалет выскочила. Вернулась, а ее нет – ушла и не попрощалась. Выходит, и ключ с собой прихватила.

– Она наверху, – догадалась Елизавета Петровна и бросилась к лифтам.

Галина как раз выходила из квартиры Тарасевича. На ней было то самое кожаное пальто, в котором она катала тележку с горой продуктов по универсаму и болтала по телефону, выкладывая кому-то подробности личной жизни заслуженного артиста Аркадия Вертова.

– Ключ от квартиры верните, пожалуйста, – приказала Сухомлинова и протянула руку, рассчитывая, что женщина в кожаном пальто сопротивляться не будет.

Но та пошла прямо на нее, как тогда перед кассой магазина.

– Полицию уже вызвали, – уверенно произнесла Елизавета Петровна.

Галина остановилась и начала рассматривать незнакомку.

– А ты кто? – спросила она.

– Я новый консьерж. Так что если вы что-то вынесли из квартиры Александра Витальевича, то вернитесь прямо сейчас и положите на место!

– Ничего я там не брала. Можешь обыскать.

– Полиция обыщет.

– Да ничего я не брала. Просто там одна моя вещь оставалась...

Только сейчас Сухомлинова поняла, что женщина примчалась сюда за тетрадкой, которую она по непонятным причинам доверила Тарасевичу.

– Нашли свою вещь?

Галина покачала головой и спросила:

– Менты обыск проводили?

Елизавета Петровна кивнула:

– При мне.

Галина задумалась.

– Жалко Витальевича, – сказала она, – мужик-то он неплохой был. Я даже хотела с ним роман закрутить. Не так, чтоб интрижку какую, а по-серьезному. У меня тогда муж забухал, работы лишился и вообще из штопора не выходил. Каждый день пьянки-гулянки. Мужики-прощелыги вокруг, бабы непонятные. Подумала, зачем мне такая жизнь, когда есть положительный человек с достатком, которому я нравлюсь. Пригласил он меня. Тогда же все и случилось у нас. А мужу плевать, где я, с кем я. Говорю ему, что я на работе сутками, потому что подмены нет, а ему все равно. У него своя жизнь, а у меня своя – типа того, что любовь. Но потом мужик мой образумился. Нашел себе место на овощной базе. Пить бросил... Он ведь симпатичный, когда не пьет. Здоровый, сильный. На четыре года моложе меня. Как такого бросишь! Расстались мы с Витальевичем, как говорится, друзьями. Хотя друзей у него не было вовсе.

– А враги были?

– Не знаю. Но он осторожный был, как пуганая ворона, которая куста боится.

Тамара достала из кармана ключ и протянула его Елизавете Петровне:

– Забери, мне он не нужен больше.

Вместе спустились на лифте. Ехали молча. И только когда Тамара подошла к входным дверям, вспомнила.

Обернулась и, усмехаясь, спросила:

– Ну и где ваши менты?

Дверь за ней затворилась, но Нина Николаевна все равно обратилась к Сухомлиновой шепотом:

– Прямо в квартире еще застукала?

– Почти.

– Безбашенная она. И без тормозов. С Александром Витальевичем крутила одно время. Потом к Михееву пыталась подкатить, но тому она не нужна. Ему вообще никто не нужен – разве что балерины. Он балетоман. У нас есть еще один такой – адвокат Фарбер...

– Знаю такого жильца, он в сорок седьмой, кажется, – вспомнила Елизавета Петровна, – просто не слышала, что он адвокат.

– Адвокат, и, как говорят, очень известный. А контора его совсем недалеко отсюда – на шестой линии у метро «Василеостровская».

– Мне как раз адвокат нужен, – вздохнула Сухомлинова, – и очень срочно.

– Ну, тогда поторопись, хотя он допоздна работает. Домой раньше десяти вечера не возвращается никогда. Его Олегом Борисовичем зовут.

Глава двенадцатая

Адвокатскую контору Фарбера она нашла быстро. Рядом с тонированной стеклянной входной дверью висела табличка с названием, а под ней переговорное устройство с вмонтированной видеокамерой. Елизавета Петровна уже собралась позвонить, но потом кое-что вспомнила. Отошла на несколько шагов в сторону и достала из сумки тетрадь, начала ее листать и обнаружила запись.

Адвокат Фарбер, кв. 47, стал захаживать в гости к муниципальному чиновнику Ананяну в то время, когда там находились несовершеннолетние, и оставался там до утра.

Даты:.....

Она вернулась к дверям адвокатской конторы и нажала на кнопку переговорного устройства.

И тут же из него донесся мужской голос:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Сухомлинова Елизавета Петровна.

– Вы по предварительной записи?

– Нет, но Олег Борисович знает меня. К тому же я ненадолго. Чтобы объяснить суть дела, мне потребуется не более десяти минут.

– Подождите, – произнес голос.

Не прошло и минуты, как щелкнул открытый замок, и тот же голос сказал:

– Заходите, но у вас всего полчаса.

Мужской голос принадлежал молодому человеку в темном костюме. К лацкану его пиджака был прикреплен бейджик с двумя словами «Служба безопасности».

Молодой человек помог посетительнице снять пальто, а потом провел ее по коридору к кабинету шефа. Постучал в дверь осторожно, потом приоткрыл.

– Запускай! – крикнул из глубины Фарбер.

Кабинет был большой и прямоугольный. В конце прямоугольника стоял огромный дубовый стол, за которым в кожаном кресле с высокой спинкой почти потерялся маленький румяный брюнет с залысинами. Елизавета Петровна шла к этому столу, поглядывая на фотографии, обильно украшающие стены. На всех был хозяин кабинета. И на всех он был с известными людьми: с политиками, предпринимателями, артистами. А еще были снимки, запечатлевшие адвоката за кулисами театра, где он стоял в окружении солистов балета. И все его нежно обнимали: и женщины, и мужчины.

Олег Борисович указал ей на кресло и, дождавшись, когда дама опустится в него, произнес нараспев:

– У вас очень знакомое лицо. Вы прежде были моей клиенткой?

– Я работаю консьержкой в доме, где вы имеете честь проживать, – ответила Елизавета Петровна и удивилась слетевшему с ее губ обороту.

Фарбер, похоже, тоже удивился этому обстоятельству.

– И что же вас привело ко мне, милочка? – спросил он.

И тогда Сухомлинова начала рассказывать. Сначала сбивчиво и немного путаясь, но потом, видя, что Олег Борисович слушает ее внимательно, осмелела и уже не сбивалась. Олег Борисович иногда задавал уточняющие вопросы, и она отвечала на них.

А когда закончила, то посмотрела на адвоката полными слез глазами.

– Помогите! На вас одна надежда.

Фарбер поднялся и покачал головой.

– Слышали небось, какая беда с нашим Александром Витальевичем приключилась? И ведь где – в тихом переулочке в ста шагах от нашего въезда... А что касается вашего дела,

милочка, то оно и выведенного яйца не стоит. У меня подобных историй очень много было, и, заметьте, ни одного дела я не проиграл. Помогу и вам – так уж и быть. Только и вы должны понять – будут некоторые траты.

– Я готова, – обрадовалась Елизавета Петровна, – у меня есть деньги.

– Ну вот и славненько, дорогуша. Сейчас я вкратце обозначу сумму. А вы считайте. За просто так ваше дело положительным образом решить не получится. Надо договариваться.

– С кем? С Первеевыми?

– Забудьте вы о них, – поморщился адвокат, – договариваться надо с людьми, от которых зависит принятие решения.

И, видя, что посетительница не понимает, начал объяснять:

– Судье взятку надо дать. Органам опеки опять же взятку. И взятки будут не маленькие, потому что все понимают, против кого вы боретесь. Первеев, конечно, может и без взятки решить. Но когда в один прекрасный момент кто-то из органов опеки почувствует в своей руке пачку сотенных, а судья в каждой руке по пачке, вопрос будет решен в вашу пользу.

– Всего за тридцать тысяч? – удивилась Сухомлинова. – А как я их предложу?

– Я беру эти хлопоты на себя. Прямо сейчас вы оформите со мной договор, оплатите первоначальные услуги, которые вам предоставит моя адвокатская контора. Мы составим претензионное письмо. Параллельно обговорю детали с органами опеки и с судьей. А потом будет вынесено решение. Но денежки вперед, как говорится.

– Тридцать тысяч! – не могла успокоиться Елизавета Петровна. – Что же я раньше не могла с вами встретиться. Всего тридцать тысяч рублей!

– Кто сказал «рублей»? – встрепенулся адвокат. – Тридцать тысяч долларов, разумеется. Десяточку в органы опеки, двадцаточку судье. Ну и мне пятерочку за содействие. Всего-то тридцать пять тысяч, не считая того, что заплатите в кассу официально. Но там не так уж много я прошу. Тысяч сорок – рубликов, разумеется, в кассу. Зато ваш внук вернется в объятия любящей бабушки.

Елизавета Петровна сидела, пораженная размерами взяток, которые она должна дать чиновникам.

– У меня нет таких денег, – прошептала она.

– Ну, на нет и суда нет, – улыбнулся адвокат. – Вы ступайте, подумайте лучше. Сегодняшнюю консультацию можете оплатить через кассу. Пять тысяч рублей. А по поводу основной суммы – решайте. Может, у вас дача есть, которая стоит таких денег, или домик в деревне?

– У меня ничего нет, – совсем тихо ответила Сухомлинова.

– Ну, тогда прощайте. Касса у выхода. Без оплаты консультации вас все равно не выпустят.

– Ну, что сидите? – снова улыбнулся Фарбер и показал рукой на потолок: – Там Бог, – потом показал на дверь, – а там порог. Не задерживайте меня, милочка. Сейчас ко мне по записи приедут солидные клиенты. А мне еще подготовиться надо – документики полистать. Только зря время у меня отняли. Кто же знал, что вы такой нищеводкой окажетесь.

Елизавета Петровна поднялась, но не направилась к двери, она шагнула к столу адвоката. Теперь ей было все равно, раз этот человек не желает ей помогать.

– Олег Борисович, – негромко произнесла она, – последний вопрос: куда мне пойти, если я знаю о преступлении, могу даже его доказать, однако преступление это совершил адвокат со связями.

– Перед законом все равны, – улыбнулся Фарбер. – А что за адвокат? Как фамилия – может, я его знаю?

– Очень известный. Проживает в доме, где я работаю консьержем. У нас есть еще один жилец – некий муниципальный чиновник Ананян, который приводит к себе несовершеннолет-

них мальчиков – практически детей. Мальчики остаются у него до утра. Что думают об этом их родители, я не знаю. Возможно, родители не в курсе. Может, они и вовсе из детских домов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.